

Как был спасен мир

Однажды соорудил конструктор Трурль машину, что умела делать все на букву «н». Как была та готова, на пробу приказал он ей сделать нити, потом накрутить их на наперстки, каковые она тоже сделала, а затем бросить все в сооруженную нору, окруженную насосами, навесами и надстройками. Машина исполнила все в точности, но поскольку Трурль все еще не был уверен в ее работе, пришлось ей создавать нимбы, наушники, нейтроны, нарты, носы, нимф и натрий. Этого последнего машина не сумела, и Трурль, чрезвычайно распереживавшись, приказал ей пояснить.

— Не знаю, что оно такое, — сказала та. — Не слышала о таком.

— Как это? Это ведь сода. Такой металл, элемент...

— Если зовется он содой, то он на «с», я же умею делать только на «н».

— Но это латинское его название.

— Дражайший, — сказала машина, — если бы я могла делать все на «н» на всех возможных языках, была бы я Машиной, Которая Может Всё На Все Буквы, поскольку любая вещь наверняка на каком-то там чужом языке зовется на «н». Все, увы, не настоль-

Jak ocalał świat, 1964. © Перевод. С. Лерега, 2018.

ко хорошо. Не могу делать больше, чем ты придумал. Соды не будет.

— Ладно, — согласился Трурль и приказал ей сделать небо. Она сделала сразу же, небольшое, но, несомненно, небесно-синее. Тогда он пригласил конструктора Клапауция, представил его машине и так долго расхваливал ее необычайные возможности, что тот даже рассердился, не подав, правда, виду, и попросил, чтобы и ему позволили нечто ей приказать.

— Прошу, — сказал Трурль. — Только это должно быть на «н».

— На «н»? — спросил Клапауций. — Ладно. Пусть сделает науку.

Машина загудела, и через миг площадка перед домом Трурля наполнилась толпой научных работников. Одни горячо спорили, писали в толстенных книгах, другие же эти книги выхватывали и рвали в клочья, вдали виднелись пылающие костры, на которых скворчали мученики науки, тут и там что-то громыхало, вставали странные дымы в форме грибов, вся толпа говорила одновременно, так что и слова было не понять, то и дело составляя меморандумы, обращения и прочие документы, а в сторонке, под ногами у вопящих, сидело несколько одиноких старцев и непрерывно строчили бисерным почерком на кусках рваной бумаги.

— Ну как, неплохо, верно?! — с гордостью крикнул Трурль. — Вылитая наука, не можешь того не признать!

Но Клапауций не был доволен.

— Что, эта толпа — наука? Наука это нечто совершенно иное!

— Тогда — прошу, скажи что именно, и машина тотчас это сделает! — возмутился Трурль. Но Клапау-

ций не знал, что ответить, а потому заявил, что поставит машине еще два задания, и если уж она их решит, то он признает, что она такова, какой и должна быть. Трурль согласился, и Клапауций приказал, чтобы сделала она наизнанку.

— Наизнанка! — выкрикнул Трурль. — Да кто слышал о таком и что оно за наизнанка?

— Ну как же, обратная сторона всего, — ответил Клапауций спокойно. — Выворачивать наизнанку — что, ты разве такого не слыхивал? Ну-ну, не притворяйся! Эй, машина, за дело!

Однако машина и так уже трудилась. Сперва создала она антипротоны, потом антиэлектроны, антинейтрино, антинейтроны и так долго безустанно трудилась, что насоздавала немерено антиматерии, из которой неспешно, подобно странно светящейся туче в небе, принялся формироваться антими́р.

— Хм, — сказал весьма недовольный Клапауций, — это вот, по-твоему, наизнанка? Предположим, что да... Согласимся, быть по сему... Но вот третий приказ. Машина! Должна ты сделать Ничто!

Машина некоторое время совершенно не двигалась. Клапауций уж начал было удовлетворенно потирать руки, а Трурль произнес:

— Что это ты? Приказал же ей не делать, вот она и не делает!

— Неправда. Я приказал ей сделать Ничто, а оно — нечто иное.

— Да неужели! Сделать Ничто и ничего не делать — означает одно и то же.

— Отнюдь нет! Она должна была сделать Ничто, а не сделала ничего, значит, я выиграл. Поскольку Ничто, о мой умудренный коллега, это не какое-то там обычное ничто, продукт лени и ничегонеделания,

а действенное и активное Ничто, совершенное, единое, всеохватное и высочайшее Небытие собственной отсутствующей персоной!

— Морочишь машине голову! — крикнул Трурль, но сразу же раздался ее глубокий голос:

— Перестаньте же ссориться в эдакий-то момент! Я знаю, что оно есть: Небытие, Несущее, то есть Ничто, поскольку вещи эти соответствуют ключу к букве «н», как Несуществование. Лучше поглядите в последний раз на мир, ибо вот-вот его не станет...

Слова замерли на устах раззадоренных конструкторов. Машина и на самом деле творила Ничто, причем таким образом, что поочередно убирала из мира разные вещи, которые переставали существовать, словно бы их и вовсе никогда не было. Убрала она уже натужки, непойки, нырники, недольки, налушки, недостопки и нервонцы. Порой казалось, что вместо того, чтобы убирать, уменьшать, выбрасывать, ликвидировать, уничтожать и отнимать — увеличивает она и добавляет, поскольку ликвидировала и неслыханность, нахальство, неверие, ненасытность и немощь. Однако потом вокруг смотрящих вновь стало пустеть.

— Ой-ой! — сказал Трурль. — Как бы тут беды не случилось...

— Да что там! — сказал Клапауций. — Ты ведь видишь, что делает она вовсе не Генеральное Ничто, а всего лишь Небытие всех вещей на «н», следовательно, ничего не случится, поскольку эта твоя машина — совершенно никчемушная!

— Так тебе лишь кажется, — ответила машина. — Я и впрямь начала со всего, что на «н», поскольку таковое мне ближе, но одно дело создать некую вещь — и совершенно иное ее убрать. Убирать я могу все, по той простой причине, что умею делать все-все,

но «все-все» — на «н», а следовательно, и Небытие для меня — плевое дело. Скоро уже ничего у вас не будет, а потому прошу тебя, Клапауций, скажи-ка — да побыстрее, — что я и вправду универсальна и что выполняю приказы как надлежит, иначе будет поздно.

— Но ведь... — начал испуганный Клапауций и в тот же миг заметил, что и правда исчезают уже не только вещи на «н»: перестали уже окружать их камбузели, стеснята, выследки, гризмаки, рифмольки и брабочки.

— Стой! Стой! Беру свои слова назад! Перестань! Не делай Небытия! — орал во всю глотку Клапауций, но прежде чем машина остановилась, исчезли еще грашаки, клопты, фихдроны и замры. И только тогда машина остановилась. Мир же выглядел совершенно ужасно. Особенно пострадало небо: на нем видны были лишь одинокие точки звезд; ни следа от превосходных гризмаков и гвайдолниц, которые до этого времени так украшали небосвод!

— Великие небеса! — воскликнул Клапауций. — А где же камбузели? Где мои любимые мрошки? Где ласковые брабочки?!

— Нет их и никогда уже не будет, — спокойно отвечала машина. — Я исполнила — вернее сказать, начала исполнять лишь то, что ты мне приказал...

— Я приказал тебе сделать Ничто, а ты... ты...

— Клапауций, ты либо глупец, либо глупцом притворяешься, — сказала машина. — Когда бы я сделала Ничто сразу, единым махом, перестало бы существовать все, а значит, не только Трурль, и небо, и Космос, и ты — но даже и я сама. И тогда кто и кому сумел бы сказать, что приказ выполнен и что я — машина действующая? А когда бы никто никому этого не сказал, то каким бы образом я, которой бы

тоже уже не было, могла получить надлежащее мне удовлетворение?

— Да пусть уж, согласен, хватит об этом, — сказал Клапауций. — Уже ничего не желаю от тебя, дивная машина, об одном лишь прошу: сделай мрошек, без них мне и жизнь не мила...

— Не сумею этого, поскольку они — на «м», — сказала машина. — Конечно, я могу вновь сделать нахальство, ненасытность, незнание, ненависть, немощь, недолговечность, непокой и неверие, но на другие буквы прошу от меня ничего не ждать.

— Но я хочу, чтоб были мрошки! — заорал Клапауций.

— Мрошек не будет, — сказала машина. — Взгляни, прошу, на мир, что теперь полон огромных черных дыр, полон Ничто, которое заполняет бездонные пропасти между звездами, насколько все вокруг стало им пронизано, как оно прочитывается в каждом заколке бытия. Это твоя вина, мой завистник! И не думаю, что грядущие поколения должны тебя за это возблагодарить...

— Может, они не узнают... Может, не заметят... — бормотал побледневший Клапауций, с недоверием поглядывая в пустоту черного неба и не смея взглянуть в глаза своему коллеге. Оставил того рядом с машиной, которая умела все на «н», и украдкой вернулся домой — а мир по сей день остался продырявлен Ничто — таким, каким в момент приказанной ликвидации оставил его Клапауций. А поскольку не удалось выстроить машину ни на какую иную букву, надобно опасаться, что уже никогда не будет столь чудесных явлений, как брабочки и мрошки, — до скончания века.

Машина Трурля

Как-то конструктор Трурль построил восьмиэтажную разумную машину, которую, когда закончил основные работы, покрыл сначала белым лаком; потом раскрасил углы лиловым, присмотревшись издали, сделал еще маленький рисунок на передней части, а там, где можно было представить ее лоб, положил легкий оранжевый узорчик и, весьма довольный собой, посвистывая от нетерпения, скорее для проформы бросил сакраментальный вопрос: сколько будет дважды два?

Машина ожила. Сначала зажглись ее лампы, заблестели контакты, водопадами зашумели токи, заиграли сопряжения, потом раскалились катушки, в ней закружилось, застучало, затарахтело, и такой шум пошел на всю равнину, что Трурль подумал, а не соорудить ли для нее специальный мыслительный глушитель. Тем временем машина продолжала работать, словно ей пришлось решать самую трудную во всем Космосе проблему; земля дрожала, от вибрации песок уходил из-под ног, предохранители стреляли как пробки из бутылок, а реле просто надрывались от усилий. Наконец, когда Трурлю уже стал надоедать

Maszyna Trurla, 1964. © Перевод. В. Борисов, 2022.

этот гвалт, машина внезапно успокоилась и изрекла громовым голосом: СЕМЬ!

— Ну, ну, моя дорогая! — неохотно сказал Трурль. — Ничего подобного, четыре, будь так добра, исправься! Сколько будет два плюс два?

— СЕМЬ! — ответила машина немедленно.

Волей-неволей Трурль, — вздохнув, — надел рабочий фартук, который было уже снял, высоко закатал рукава, открыл нижнюю дверцу и забрался внутрь. Он долго не выходил, слышно было, как он бьет молотком, как что-то откручивает, сваривает, паяет, как вбегает, громыхая, по жестяной лестнице то на шестой этаж, то на восьмой, и сразу так же стремительно мчится вниз. Он пустил ток, в середине аж затрещало, и у искровых разрядников выросли фиолетовые усы. Он надрывался так два часа, потом вышел на свежий воздух закоптелый, но довольный, сложил все инструменты, бросил фартук на землю, вытер лицо и руки и уже на прощание, вот так, для очистки совести, спросил:

— Сколько будет: два плюс два?

— СЕМЬ! — ответила машина.

Трурль страшно выругался, но, ничего не поделаешь, — снова начал в ней ковыряться, что-то поправлял, соединял, распаивал, переставлял, а когда в третий раз услышал, что два плюс два — семь, уселся в отчаянии на нижнем уровне машины и сидел так, пока не пришел Клапауций. Спросил тот Трурля, отчего тот выглядит так, словно вернулся с похорон, а Трурль рассказал ему о своих хлопотах. Клапауций сам пару раз входил внутрь машины, пробовал исправить то и это, спрашивал ее также, сколько будет два плюс один, она ответила, что шесть; а один плюс

один равнялось, по ее мнению, нулю. Клапауций почесал голову, откашлялся и сказал:

— Друже, ничего не поделаешь, нужно смотреть правде в глаза. Ты соорудил не такую машину, какую хотел. Однако каждое отрицательное явление имеет свои положительные стороны, эта машина, к примеру, тоже.

— Интересно, какое же, — сказал Трурль и пнул фундамент, на котором сидел.

— Перестань, — сказала машина.

— Вот видишь, она впечатлительная. Значит... что же я хотел сказать? Это, не подлежит сомнению, глупая машина, и это не такая из себя обычная, заурядная глупость, по крайней мере! Есть это, насколько я ориентируюсь, а я, как ты знаешь, отличный специалист, так вот, это — самая глупая разумная машина во всем свете, а это уже не пустяк! Построить ее специально было бы нелегко, а как раз наоборот, это никому бы не удалось. Ибо она не только глупая, но и упрямая как чурка, то есть она имеет характер, впрочем, свойственный идиотам, потому что они обычно безумно упрямые.

— И на кой черт мне такая машина?! — сказал Трурль и пнул ее во второй раз.

— Я серьезно тебя предупреждаю, перестань! — сказала машина.

— Заметь, у тебя уже серьезное предупреждение — сухо прокомментировал Клапауций. — Видишь, она не только впечатлительная и тупая, и упрямая, но также обидчивая, а с таким количеством свойств можно достигнуть многого, хо-хо, я это тебе говорю!

— Ну хорошо, но что именно я могу с нею начать делать? — спросил Трурль.

— Хм, мне трудно сказать это сразу. Ты мог бы, например, сделать выставку, с платным входом, с билетами, чтобы каждый, кто захочет, мог осмотреть самую глупую разумную машину в мире; сколько в ней — восемь этажей? Слушай, такого большого идиота никто до сих пор не видел. Эта выставка не только вернет тебе расходы, но...

— Перестань, не буду я делать никакой выставки! — сказал Трурль, встал и не смог удержаться, пнул машину еще раз.

— Делаю тебе третье серьезное предупреждение, — сказала машина.

— А то что?! — крикнул взбешенный ее величием Трурль. — Ты... ты... — здесь он не нашел слов, поэтому пнул ее несколько раз, вопя: — Ты только на то и годишься, чтоб тебя пинать!!

— Ты обидел меня в четвертый, пятый, шестой и восьмой раз, — сказала машина, — поэтому больше я не буду считать. Я отказываюсь отвечать на дальнейшие вопросы, касающиеся задач из области математики.

— Она отказывается! Смотрите на нее! — злился Трурль, задетый за живое. — После шестерки у нее идет восемь, заметь, Клапауций, не семь, а восемь! И она имеет наглость отказываться от ТАКОГО выполнения математических заданий. Вот тебе! вот тебе! вот! Еще хочешь?

На это машина задрожала, затряслась и без единого слова начала выбираться из фундаментов. Они были глубокие, поэтому многочисленные балки погнулись, но в конце концов она вылезла из ямы, в которой остались лишь порушенные бетонные столбы с выступающими прутьями арматуры, и как шагающая крепость двинулась на Клапауция и Трурля.

Последний так остолбенел от непонятого происшествия, что даже не пытался спрятаться от машины, которая явно намеревалась его раздавить. Лишь сохраняющий присутствие духа Клапауций, схватив его за руку, силой потянул за собой, и оба отбежали на приличное расстояние. Когда они обернулись, то увидели, что машина, раскачиваясь, как высокая башня, медленно шла, при каждом шаге проваливаясь почти по второй этаж, но упрямо, неумоимо выбиралась из песка и перла прямо на них.

— Ну, такого еще не было на свете! — сказал Трурль, у которого даже дыхание остановилось от изумления. — Машина взбунтовалась! Что теперь делать?

— Ждать и наблюдать, — ответил благоразумный Клапауций. — Может, что-то прояснится.

Но пока ничто на это не указывало. Машина, выбравшись на прочный грунт, двинулась быстрее. Внутри у нее свистело, сопело и позвякивало.

— Сейчас у нее разойдутся контакты и произойдет сбой программы, — буркнул Трурль. — Тогда все разлетится и...

— Нет, — ответил Клапауций, — это особенный случай. Она так глупа, что даже распад всего управления ей не повредит. Считай, что она... Бежим!!

Машина явно разогналась, чтобы их растоптать. Они помчались изо всех сил, слыша за спиной ритмичный грохот страшного топота. Так и бежали, ибо что еще они могли сделать? Они хотели вернуться в знакомые места, но машина нарушила их планы, обойдя с фланга и отрезав от намеченного пути, и немумолимо вынуждала их углубляться во все более пустынный край. Из стелющегося тумана медленно вынырнули горы, мрачные и скалистые. Трурль, тяжело дыша, закричал Клапауцию:

— Слушай! Давай убежим в какое-нибудь тесное ущелье... куда она не сможет за нами пролезть... проклятая... а?!

— Лучше побежим... прямо, — выдохнул Клапауций. — Неподалеку есть маленький городок... не помню, как он называется... в любом случае мы найдем там... уфф!!! убежище...

Они побежали прямо и вскоре увидели перед собой первые дома. В эту пору дня улицы были почти пустые. Они пробежали приличный кусок пути, никого не встретив, когда пронзительный грохот, такой, словно на пригород обрушилась каменная лавина, возвестил о том, что преследующая их машина добралась до домов.

Трурль обернулся и даже охнул.

— Великие небеса! Смотри, Клапауций, она рушит дома!!

И в самом деле, машина, упорно двигаясь за ними, шла сквозь стены домов как стальная гора, и путь ее был обозначен кирпичными руинами, над которыми подымались белые клубы известковой пыли. Раздались пронзительные крики засыпанных, многие выскочили на улицы, а Трурль и Клапауций бежали, чуть дыша, прямо, пока не достигли большого здания ратуши, и мигом сбежали по лестнице в глубокий подвал.

— Ну, здесь она нас не достанет, даже если свалит всю эту ратушу! — проговорил Клапауций, тяжело дыша. — Дернул же меня черт прийти к тебе сегодня... Интересно было, как у тебя идет работа, ну и вот — узнал...

— Тихо, — прервал его Трурль. — Кто-то идет...

Действительно, двери подземелья приоткрылись, и вошел сам бургомистр вместе с несколькими совет-

никами. Трурль постыдился объяснить, что вызвало необычное и одновременно ужасное происшествие, но его выручил Клапауций. Бургомистр молча выслушал его. Вдруг стены дрогнули, земля закачалась, и в глубоко укрытое подземелье донесся протяжный грохот падающих стен.

— Она уже здесь?! — крикнул Трурль.

— Да, — ответил бургомистр. — И требует, чтобы мы вас выдали, в противном случае разрушит весь город...

Одновременно до них донеслись сказанные где-то в высоте, гнусавые, со стальным отзвуком слова:

— Где-то здесь есть Трурль... Я чувствую Трурля...

— Но вы же нас не выдадите? — дрожащим голосом спросил тот, которого так настойчиво домогалась машина.

— Тот из вас, которого зовут Трурлем, должен отсюда выйти. Второй может остаться, так как его выдача не является обязательным условием...

— Сжальтесь!

— Мы бессильны, — сказал бургомистр. — Впрочем, если бы ты остался, Трурль, то должен был бы ответить за вред, причиненный городу и его жителям, потому что из-за тебя машина разрушила шестнадцать домов и погребла под их развалинами многих местных жителей. Только то, что ты находишься перед лицом смерти, позволяет мне отпустить тебя. Иди и не возвращайся.

Трурль посмотрел на лица советников и, видя на них подписанный ему приговор, медленно направился к дверям.

— Подожди! Иду с тобой! — импульсивно выкрикнул Клапауций.